

А.В. Ковальчук

КОМИССИЯ О КОММЕРЦИИ И ДИСКУССИЯ О КРЕСТЬЯНСКОЙ ТОРГОВЛЕ 1765 Г.

Аннотация Статья посвящена обмену мнениями по вопросу о крестьянской торговле. Он состоялся в 1765 г. в недавно созданной Комиссии о коммерции. Обсуждение, которое протекало в узком кругу немногочисленных членов Комиссии, инициировала Екатерина II. Все члены комиссии приняли в нем живое участие. Характер довольно горячо проходившей дискуссии и выдвинутые ее участниками аргументы указывают на неподдельный интерес современников из достаточно близких к императрице лиц к обсуждаемой тематике. Несмотря на то что участникам прений так и не удалось сблизить позиции относительно допустимости участия крестьян в торговле, особенно владельческих, или фактической легализации осуществляемых ими торговых операций, представленная аргументация имеет несомненный интерес для понимания глобального процесса вызревания в крестьянской толще предпосылок к предпринимательству во всех нюансах.

Ключевые слова: Екатерина II, земледелие, физиократы, крестьянство, мещанство, сословия, помещики, торговля, конкуренция, гильдейская реформа, капитал.

Summary The article is devoted to the exchange of views on the issue of peasant trade. It was held in 1765 in the newly created Commission on Commerce. The discussion, which took place in a narrow circle of the few members of the Commission, was initiated by Catherine II. All the members of the commission took a lively part in it. The nature of the rather heated discussion and the arguments put forward by its participants indicate the genuine interest of contemporaries from people close enough to the empress in the topic under discussion. Despite the fact that the participants of the debate did not manage to bring their positions closer together regarding the permissibility of the participation of peasants in trade, especially owner-owned ones, or the actual legalization of trade operations carried out by them, the presented argument is of undoubted interest for understanding

the global process of maturing the prerequisites for entrepreneurship in all nuances in the peasant thicket.

Keywords: Catherine II, agriculture, physiocrats, peasantry, philistinism, estates, landowners, trade, competition, guild reform, capital.

Говорить об исключительной роли крестьянства в дореформенной России, стране преимущественно аграрной на протяжении большей части своей истории, нет особой необходимости. От внутреннего состояния сословия во многом зависело благополучие всего общества. Ибо крестьяне — главные производители или «делатели», как признавали представители бюрократической элиты второй половины XVIII в., принадлежавшие к другому социальному лагерю (им еще будет «предоставлено слово» ниже). Они же основные плательщики податей. Наконец, воины-ратники, поскольку регулярные рекрутские наборы для армии периодически производились в основном из крестьянской среды.

Нелишне напомнить и об одном из постулатов большинства распространенных и наиболее популярных во времена правления Екатерины II экономических теорий физиократов, разделяемых императрицей: «Земледелие есть первый и главный труд, к которому людей поощрять должно»¹. Эти слова принадлежали самой императрице и включены ею в XIII главу общего Наказа Уложенной комиссии².

Екатерина II последовательно отстаивала принадлежность каждому сословию определенных и строго разграниченных прав и обязанностей. Крестьянство не являлось исключением. Впоследствии указанная позиция наиболее полно и последовательно закрепились в принципах, положенных в основу гильдейской реформы 1775–1785 гг. Но прежде, чем утвердиться в законоположениях, им надлежало пройти многократные обсуждения в узком кругу ближайших советников императрицы. Образование в 1763 г. Комиссии о коммерции в составе небольшой группы лиц существенно не изменило ситуацию и не расширило рамки обсуждения отдельных вопросов до более широких масштабов. На момент создания Комиссия состояла из бывшего генерал-прокурора Сената Я. П. Шаховского, И. И. Неплюева (выбыл из нее в 1764 г., а на его место назначен Н. Е. Муравьев), Э. Миниха и статс-секретаря Екатерины II Г. Н. Теплова. В помощь к ним определены Т. Клингштет (в том же 1764 г. включен в основной состав), М. Пушкин и М. Одар.

¹ ПСЗ-1. Т. 18. № 12949 (п. 295–296).

² См.: Ковальчук А. В. Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в.: Идеи и практика. М.; СПб., 2017. С. 228–232.

Немалый перечень стоявших перед Комиссией о коммерции задач сразу по нескольким направлениям, поначалу контурно и бегло очерченных самой Екатериной II, включал совершенствование внутренней и внешней торговли, улучшение транспортной инфраструктуры внутри страны путем ремонта и строительства новых мостов, улучшения не только больших, но и местных путей сообщения, строительство собственного внешнеторгового флота для ослабления зависимости от иностранных купеческих компаний, облегчение кредитования российских купцов посредством образования коммерческих банков, пересмотр «тягостного» купечеству таможенного тарифа, унификацию находившихся в обращении медных монет, увеличение отдачи от беломорских рыбных промыслов и др. Но в этом перечне отсутствовал вопрос о крестьянской торговле.

На первый взгляд, вопрос малозначительный. Но в глазах современников крестьянский торг зачастую вырос до масштабов одной из самых острых и ключевых экономических проблем страны, от решения которой во многом зависело ее дальнейшее развитие. Кроме того, некоторые из лиц, прямо или косвенно причастных к выработке правительственного курса, обратили внимание на противоречие между декларированными в начале 1760-х гг. либеральными ценностями, в первую очередь заявлениями верховной власти о приверженности принципам экономической свободы, и стремлением определенной части властной бюрократии начать новое наступление на торговых крестьян с целью искоренения их промысла. И потому состоявшееся в правительственных верхах живейшее обсуждение этого вопроса заслуживает самого пристального внимания. Инициатива его тщательной проработки принадлежала императрице. Поводом к началу разбирательств послужила челобитная не названных в документах купцов, поданная на высочайшее имя в мае 1765 г. Она отложилась в фонде Комиссии о коммерции в виде отдельного дела³.

О содержании прошения «анонимных» купцов не трудно догадаться даже несмотря на отсутствие самого текста. Судить о нем можно на основании других, косвенных источников. И сделать вывод о поданной жалобе купцов на крестьян за массовое участие в торговых операциях, не подобающее их реальному общественному статусу, нарушавшее сложившийся порядок и общественное разделение труда. Именно такой основной мотив звучал в протоколе состоявшихся 4 июня слушаний по этому делу. Их проводила Комиссия о коммерции, которой Екатерина II поручила вести необходимые разбирательства. С самого начала слушаний большинство членов Комиссии определило свое довольно негативное отношение к торговым промыслам крестьян. Вырази-

---

³ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 68. Л. 272.

тели мнения этого большинства подкрепили его рядом дополнительных аргументов. Во-первых, крестьяне, прежде всего владельческие, вступали в заведомо недобросовестную конкуренцию с купцами, будучи свободными от всех обязанностей («тягостей») последних и к тому же пользовались защитой («протекцией») своих помещиков. Во-вторых, они оставляли самые значимые для государства земледельческие работы — «фундамент общего богатства» — ради более легких и совершенно «ненужных», с точки зрения общественной пользы, занятий, которые еще и способствовали «повреждению порядка в торговых промыслах»; вдобавок, занимаясь мелочной торговлей в городах, крестьяне отнимали пропитание у бедных солдатских и мещанских жен. В-третьих, разрушали привычный деревенский уклад, надолго оставляя жен и детей без «призрения». К тому же пополняя число городских жителей, особенно в Петербурге и Москве, они способствовали заметному удорожанию съестных припасов, в том числе и посредством увеличения рядов разного рода перекупщиков продовольствия. Участники слушаний, высказываясь по этому поводу, представили выразительную и пеструю картину многоликой крестьянской торговой «экспансии». Она осуществлялась «не только под именем купцов» и силами бесчисленных лавочных сидельцев, умножавших «излишнее число лавок в рядах, но также и на рынках, и по улицам в лавочках, в прилавках, в погребках, в шалашах и на ларях». Кроме них действовали целые сообщества перекупщиков, скупавших как российские товары и «харчевья припасы», так и «привозимую из-за границ водою к питомству градских жителей потребную провизию». Обе группы товаров попадали «в руки другим перекупщикам и еще же из прибыли разнощикам продавать по улицам, кои все сыскивают способы питать роскошных и излишне лакомых»⁴.

В итоге общий вывод сводился к безоговорочному запрещению торговли в любых ее формах не только применительно к крестьянам, но и разночинцам. Также не допускалось их использование в качестве купеческих приказчиков или лавочных сидельцев. Однако, чтобы полностью не перекрывать тем и другим доступ к торговым операциям, предполагалось сохранить за ними право записываться в купечество при наличии «достаточного» капитала на основании действующего, хотя и не слишком четкого на тот момент, законодательства. Таким образом фактически выражалась идея, законодательно воплотившаяся значительно позднее, во время гильдейской реформы 1775 г. Тем самым, что весьма примечательно и заслуживает отдельного внимания, данная идея наверняка родилась не спонтанно и, вероятно, принадлежала

---

⁴ Там же. Л. 274 об.–275.

не одной конкретной личности. Она вынашивалась постепенно и выносилась на обсуждение неоднократно, как и в данном конкретном случае.

Любопытен последний, четвертый пункт, протокола. Несколько в завуалированной форме в нем зафиксировано наличие проблемы крестьянского малоземелья и ее дальнейшего обострения, поскольку материалы ревизского учета последних лет зафиксировали рост численности крестьянского населения. Членам комиссии, вынужденным считаться с данным фактом, волей-неволей пришлось поставить вопрос о последующей занятости малоземельных поселян. По существу же им ничего не оставалось, как примириться с фактом широкого распространения неземледельческих крестьянских отхожих промыслов как с существующей реальностью, не имеющей альтернативы. Хотя сами промыслы признавались менее полезными для общества по сравнению с земледельческими работами. К числу вполне приемлемых и допустимых отнесены наемные работы на фабриках, предназначенные для промышленной переработки природных сырьевых ресурсов («произращений») в конечный готовый товар. Сюда же отнесены работы на «рудокопных и минеральных заводах», занятия извозом, включая транспортировку продукции фабрик и заводов, а также «при каменных, деревянных и при многих других мелочных у партикулярных людей, а наипаче в казенных разных же работах». Казенные работы, принимавшие при Екатерине II все больший размах, выделены особо. Они явно рассматривались в качестве основного канала перераспределения «избыточных» трудовых ресурсов из-за возникшей проблемы безземельного крестьянства. Вместе с тем Комиссия не хотела брать на себя ответственность за выявление «пристойных» способов «к снабжению таких в Российской империи недостаточных землями и угодьями крестьянских селений»⁵ и потому она обратилась к императрице с просьбой переложить на Сенат столь непростую миссию.

Требование о запрещении крестьянской торговли казалось большинству членов Комиссии о коммерции очевидным и бесспорным. Возможно, еще и по причине крайне невысокого общественно-юридического статуса крестьян, особенно владельческих, фактически лишавшего их права выступать в качестве самостоятельных хозяйственных субъектов. Правда, открыто никто на этот счет не высказывался. Но данное обстоятельство подразумевалось как само собой разумеющееся и сквозило в тех рассуждениях, в которых право на торговлю оставлялось только за купечеством.

Некоторые члены Комиссии заранее подготовили свои соображения насчет вреда крестьянской торговли. Они собирались приобщить их к итогово-

---

⁵ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 68. Л. 276–276 об.

му протоколу, пребывая в уверенности о наличии общего согласия по этому вопросу среди всех членов Комиссии. Об этом, в частности, прямодушно написал Я. Шаховской спустя несколько дней после состоявшегося 4 июня 1765 г. собрания. Когда же выяснилась явная преждевременность подобного умозаключения, Шаховской заявил о присоединении своего «голоса» к схожим мнениям генерал-поручика и сенатора Николая Муравьева и статского советника Тимофея Клингштета.

Решительным противником этой группы оказался статс-секретарь императрицы Григорий Теплов. В протоколе его должность не указана, а лишь отмечен чин действительного статского советника. Кроме того, против заголовка его «Мнения о крестьянском торге» в левом верхнем углу листа присутствует помета «секретно». На каком основании суждениям Г. Теплова придана завеса секретности, до конца не ясно даже после ознакомления с содержанием его пространной записки.

После краткого, но емкого изложения существа аргументов своих оппонентов, Теплов приступил к их опровержению. Начал немного издалека, стараясь сначала показать необедительность приводимой ими ссылки на некие иностранные «благочудренные государства», в которых крестьяне якобы отеснены от неподобающей их статусу торговли. Торговля — удел исключительно купечества, самим же крестьянам пристало оставаться при одном земледелии. Подобное утверждение Теплов счел неверным. В таких государствах крестьяне наравне с купцами имеют возможность приобщаться к искусству коммерции, а переняв его, в равной мере вливаться в ряды «особливого благовоспитанного рода людей», к которому все члены общества относятся с почтением и доверием. Поэтому и следует в первую очередь перенимать иностранный опыт по формированию такого слоя людей. И не имеет значения, кем и в какой мере он будет представлен — купцами или же торгующими крестьянами.

Такое вступление понадобилось Теплову для перехода к характеристике российской специфики. Она в его представлении настолько отличалась от реалий других европейских стран, что ссылки на их опыт, касавшийся существования жестких границ между правами крестьянства и купечества на торговлю, казались ему совершенно необоснованными и некорректными. В первую очередь из-за свойств и облика самих российских купцов. И здесь Теплов не останавливается перед жесткими определениями, отпуская немало нелестных выражений в их адрес. По его словам, под именем российских купцов, действительно «упражняющихся» в коммерции, скрывается много людей, давно не соответствующих своему званию и утративших всякую связь с торговлей. Согласно имеющимся у него сведениям, сокращалась даже номинальная

численность купцов: «их пятью тысячами в одной Москве меньше же прежнего в государстве оказалось; то же самое и в других городах находится»⁶.

Для получения полного представления Теплов предлагал произвести перепись купечества, чтобы выяснить, «сколько именно купцов достойных и средних, и сколько в работах подлейших, в бурлачестве, пьянстве и крайнем невежестве пребывающих найдется». Он не сомневался в крайней малочисленности того «корпус[а] российского купечества, достойного сего имени», который, по его мнению, в действительности «самой малой в государстве»⁷ по причине отсутствия в нем «благовоспитанных» купцов. Таковых имелась лишь «самая малая доля». Остальные же – «хуже самого крестьянства, а яко не пахатные и никакому помещику не подобострастные, упражняются только в бурлачестве, пьянстве, вероломстве и никакого торгу не имеют, а промышленяют в отдаленных городах всякими службами или и копанием земли, а иногда попадаютя и на разбоях». Не говоря уже о взаимном недоверии и вражде даже между вполне состоятельными купцами, которые «по худому своему воспитанию целыми городами в нестроении между собою живут и друг друга разоряют так, как то и ныне всемилостивейшая наша государыня по человеколюбию своему милосердием, а не строгостию целой город Орел от последнего падения охранить соизволила»⁸.

В целом довольно неприглядную картину усугубляло поведение российских купцов за границей. Они по незнанию и неумению привозили туда товары без должной «спекуляции», действуя при этом разрозненно и подрывая общий «кредит». Последнее утверждение Теплов высказывал не голословно, а ссылался на реляцию российского резидента в Константинополе А.М. Обрескова от 26 февраля 1765 г. на имя императрицы (документ оказался приобщенным к делу о «крестьянском торге»). В донесении Обресков отозвался о «надмерном невежестве и неразумении подданных ваших», осуществлявших причерноморскую торговлю, но не оставил без внимания и непростые условия, в каких им приходилось осуществлять торговлю, в том числе и трудности с получением займов. В частности, российские купцы не располагали возможностями для получения кредитов на приемлемых условиях, сопоставимых с банковскими ставками внутри страны: они не могли найти заимодавцев, соглашавшихся предоставить займы менее 15% даже под залог привезенных товаров⁹.

Из данной Г. Тепловым характеристики российскому купечеству логично вытекал вывод о невозможности выполнения им своей основной миссии

---

⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 68. Л. 280.

⁷ Там же. Л. 280 об.

⁸ Там же. Л. 282–282 об.

⁹ Там же. Л. 293 об.

без участия крестьянства. Более того, упоминаемые объективные данные об увеличении почти втрое торговых оборотов за прошедший после Петра I период Теплов объяснял прежде всего участием в торговле крестьян. Он утверждал, «что сами купцы, будучи недостаточны капиталами, не могли никогда пробыть без помощи крестьянского торгу и всегда в торговом соединении во внутренних городах с богатыми крестьянами сообщались»¹⁰. К тому же предпринимаемые правительством в прошлом неоднократные попытки прикрыть крестьянскую торговлю результата не имели. Так, Соборное уложение 1649 г. (гл. 19 «О посадских людях», п. 5, 9, 15, 16, 17) предусматривало полный запрет крестьянского торга и уничтожение не только крестьянских лавок, но и самого «торгового промысла». Теплов приводил ссылки и на законодательство первой половины XVIII в. (причем далеко не точные, а иногда и на несуществующие указы; во всяком случае, упоминаемые им указы Петра I за 1723 г. и не датированный указ Анны Иоанновны найти в Полном собрании законов не удалось).

Поэтому общий вывод Теплова о непрекращавшихся со стороны правительства попытках притеснения, а тем более искоренения крестьянской торговли нуждается в некоторых пояснениях. Да, действительно, с формально-правовой точки зрения норма 19-й главы Соборного уложения являлась действующей, сохраняющей юридическую силу и в XVIII в. В случае необходимости она легко могла быть использована против крестьян, что иногда и происходило на практике. Но все дело в том, что острое этой нормы, как и последующих петровских указов, было направлено в большинстве случаев не против участия самих крестьян в торговле, а на уточнение фактического рода их занятий с целью определения размеров налогообложения, соответствующего реальному статусу. Фискальная составляющая являлась явно доминирующей. Она просматривалась еще в боярском приговоре от 1 января 1699 г. Согласно ему, «которые люди государевы и патриарши, и монастырские, и помещиковы крестьяне похотят жить для торговых своих промыслов на Москве: и им велено по купечеству записываться в слободы, где кто похочет, и всякие его государевы подати платить и службы служить, также из слободы в слободу не закладываться»¹¹.

Такую же направленность имел и указ Петра I от 24 ноября 1699 г. «О записке в посады разночинцов и крестьян, занимающихся в городах торгом и промыслами»¹². Он предписывал крестьянам, желавшим заниматься торговлей, записываться в посады, считая такую запись обязательным условием для

¹⁰ Там же. Л. 285 об.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 3. № 1666.

¹² Там же. № 1723.

торговой деятельности. Однако при возобладании в экономической линии правительства фритредерского начала появился сенатский указ от 1 октября 1711 г. «О свободной торговле всякого чина людям, с платежом надлежащих пошлин»¹³. Он безоговорочно дозволял «всякого чина людям» вести любую легализованную торговлю, подразумевавшую выплаты установленных податей. Указ от 4 февраля 1714 г. произвел некоторую коррекцию этого законоположения. Он касался патриарших, архиерейских, монастырских, помещичьих и вотчинных крестьян, «которые на Москве торгуют всякими товары в лавках», обязав их платить сверх крестьянских податей еще и «десятью деньгу» со своих торговых оборотов. В противном случае занятия торговыми промыслами крестьянам категорически запрещались¹⁴.

13 апреля 1722 г. Петр I подписал указ, не вошедший в Полное собрание законов (о его содержании известно из указа Елизаветы Петровны от 19 августа 1745 г.¹⁵). В соответствии с ним всех крестьян, имевших в городах и городских слободах «домы, лавки и заводы», велено записывать в посад и оставить за ними право на торговлю. Напротив, те кто продолжал жить в деревнях, такого права лишались. От непосредственной торговли они отстранялись. Им дозволялось лишь передавать для продажи свои товары посадским людям. При Анне Иоанновне, 15 марта 1732 г., последовал указ, запрещавший крестьянам торговать «при портах портовыми товарами». Для обоснования запрета оказалось достаточным сослаться на упоминавшуюся норму Соборного уложения¹⁶.

Названный выше указ Елизаветы Петровны от 19 августа 1745 г., пожалуй, впервые попытался смягчить или даже частично обойти законодательную норму Соборного уложения относительно категоричного запрета крестьянского торга. Он разрешил крестьянам мелочную торговлю вдоль больших дорог, но в отдалении от городов, причем не только сугубо деревенскими изделиями, но и городскими, приобретаемыми мелким оптом в городах и на ярмарках. 1 июля 1751 г. Сенат своим указом скорее в виде исключения позволил оброчным крестьянам нижегородской Благовещенской слободы осуществлять торговлю¹⁷. В принятом 1 декабря 1755 г. Таможенном уставе (гл. II) акцентировалось внимание на недопущении крестьян к торговле с иностранцами при морских портах. Ей надлежало поставить крепкий заслон, в равной мере, как и торговле иностранцам между собой на российской территории. Такая торгов-

---

¹³ ПСЗ-I. Т. 4. № 2433.

¹⁴ Там же. Т. 5. № 2770.

¹⁵ Там же. Т. 12. № 9201.

¹⁶ Там же. Т. 8. № 5987.

¹⁷ Там же. Т. 3. № 9866.

ля выделена особо, с точки зрения наносимого ей вреда и «помешательства» русским торговым людям. О каких-либо дополнительных мерах против иной торговой деятельности крестьян Таможенный устав не упоминал. Напротив, в нем ставилась задача по защите крестьянской торговли «хлебом и другими съестными и прочими припасами» от любого «помешательства и притеснения». Надо полагать, Устав имел в виду продукты сугубо земледельческого происхождения. Кроме того, подтверждалась сила указа от 19 августа 1745 г., разрешавшего крестьянам торговать возле больших дорог¹⁸.

Других сколь-нибудь значимых законодательных актов, призванных регулировать крестьянскую торговлю, до начала развернувшейся в Комиссии о коммерции дискуссии не появлялось. Правда, Теплов упоминал указ Елизаветы Петровны от 20 ноября 1760 г. о запрещении розничного торгова¹⁹, называя его весьма строгим и, по его мнению, распространяющимся также и на крестьянский торг («из котораго понимать надобно и торг крестьянской во всем государстве запрещенным, что сумневаться уже было не должно о прекращении онаго»²⁰). Однако в действительности указ преследовал вполне конкретную цель пресечения розничной торговли иностранцев в Петербурге в занимаемых ими домах: «Некоторые иностранные купцы, да и других званий люди, не быв здешние подданные, а еще меньше мещане, пользуются, однако ж, мещанскими преимуществами, и не нося никаких гражданских тягостей и не содержа лавок, сделали оныя из своих домов, и всякие товары продают в розницы к предосуждению здешнего мещанства».

Таким образом, едва ли Теплов имел основания говорить о жестком противодействии правительства крестьянской торговле в прошлом. Оно старалось не пресекать торговые устремления крестьян, а исключить прежде всего неконтролируемые торговые операции, не поддающиеся податному учету. Однако вывод Теплова о сложившемся определенном симбиозе купечества и богатой крестьянской верхушки, взаимном переплетении капиталов представителей того и другого социального слоя, а потому тесно связанных между собой и нуждавшихся друг в друге, выглядит достаточно убедительно. К тому же он подкреплял его отнюдь не голословными доказательствами. По всей видимости, справедливо подмечена им и еще одна характерная особенность: жалобы на крестьян и упреки в недобросовестной конкуренции поступали со стороны купцов преимущественно из столичных или портовых городов, являвшихся в недавнем прошлом такими же крестьянами. Записавшись в купечество, они тут же стремились извлечь материальную выгоду из своего нового статуса,

¹⁸ Там же. Т. 14. № 10468. Гл. X, п. 3, 4.

¹⁹ Там же. Т. 15. № 11145.

²⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 68. Л. 285.

руководствуясь корыстными интересами и не думая о государственной пользе. Теплов недвусмысленно связывает их побуждения со стремлением занять монопольное положение («жалобы же на крестьянской торг от таковых только купцов исстари были и ныне приносятся, которые, живучи в столичных и ближайших к порту городах, о государственной пользе нимало не думают, но каждый о своем персональном прибытке и якобы о своей собственной у целого народа монополии. Доказывается тем, что самые те купцы, когда производили торг, бывши еще во крестьянех под именем какого-либо купца, не почитали торг вредным купечеству»²¹). И всячески предостерегал от этого. Ибо «здрави политика учит, что государству весьма полезнее, когда капитал разделен во многи руки, ибо тогда весь оный в обращении коммерческом, как, напротив того, денежной купец или от жадности, или от неумения, или, что чаще случается, видеть бы у себя для запаса много мешков в доме, насилу некоторую часть капитала пускает в обращение, но и то не по спекуляции, из которой он отваги не имеет, прочее же все или мертво лежит, или на то употребляет, чтоб малокапитальному все пути пресечь торг свой распространять. И сим образом по городам сильные купцы маломощных в порабощение приводят, что можно доказать живыми многими примерами»²².

Еще один штрих к непривлекательному в целом портрету российского купечества в глазах Теплова понадобился ему для обоснования вывода о полной бессмысленности запрета крестьянской торговли. Такой вывод проистекал из его убежденности в неспособности купцов самим, без привлечения крестьян, осуществлять все торговые операции: «Купцы одни не в состоянии у крестьян будут по деревням и малым городам выкупить лен, пеньку и прочие продукты, ибо теперь отправляют сие крестьяне купечествующие и сами тем с купцами торгуют, от чего коммерция знатной упадок, как скоро сей торг прекратится, почувствует, а в сборах таможенных урон воспоследует»²³. Во-первых, из-за малочисленности купеческого корпуса применительно к огромному пространству империи. Во-вторых, из-за явных недостатков в его качественном составе («наполнять пропорцию числа потребного государству купечествующих людей тем наипаче, что достигать онаго не глупостию, пьянством и обманами, но разумом, честностью и доброю верою необходимо надобно»²⁴). В-третьих, такого запрета можно добиться только при помощи исключительно репрессивных мер («строжайших экзекуций»), и к тому же на непродолжительное время. Однако последствия столь опрометчивого шага

---

²¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 68. Л. 286.

²² Там же. Л. 286–286 об.

²³ Там же. Л. 290 об.–291.

²⁴ Там же. Л. 288.

не заставят себя ждать: торговля ощутит нехватку выбывшей из обращения немалой части капитала; жившие торговлей вполне состоятельные крестьяне окажутся не у дел и, возможно, предпочтут уход в сопредельные государства; помещики, владельцы малоземельных крестьян, «которые, однако ж, от промыслов своих весьма больше помещикам доходу приносят, нежели крестьяне, изобилующие землями», неминуемо почувствуют сокращение своих доходов; в свою очередь, пострадают и купцы, «которые отдают свое имя торгующим крестьянам», получая от этого немалый доход и рискуя вдобавок остаться без части торговых приказчиков и лавочных сидельцев; наконец, неминуемо «между купцами и крестьянами, торговавшими, и между прикащиками и сидельцами их произойдут жалобы и процессы», и сложится крайне нездоровая обстановка: «Доносители во всех городах, а паче в отдаленных, для жадности получают половину товару за донос в награждение, заведут клеветы и ябеды, а приказные люди тем воспользуются»²⁵.

Очерченная Тепловым в достаточно резких тонах не слишком радужная перспектива возможных последствий от введения полного запрета крестьянской торговли выглядела вполне реалистично. Она опиралась на знание существующего положения вещей и конкретных фактов. И потому в ней незаметно присутствие нарочитого сгущения красок.

Однако доводы Теплова показались неубедительными Н. Муравьеву и вице-президенту Комиссии о коммерции Т. Клингштету, его наиболее решительно настроенным оппонентам в этом органе. Они представили сразу две недатированные записки (скорее всего, обе написаны по горячим следам заслушанного в начале июня 1765 г. «мнения» Теплова) в ответ на его соображения. В первой они попытались опровергнуть всю аргументацию Теплова, а во второй — сформулировать собственное видение проблемы «крестьянского торга».

В их понимании, не имелось никаких оснований для того, чтобы превозносить деловые и морально-нравственные качества крестьян. Те успешно подвизались в торговле лишь благодаря использованию преимуществ собственного положения: вдвое более низкому размеру подушной подати и втрое — общей имущественно-податной нагрузке, с учетом налагаемых на купцов различных повинностей (сюда включались чрезвычайные «поборы», такие как рекрутские, поставка лошадей и несение обременительных городских купеческих служб). Увеличение численности купеческого корпуса, в том числе и за счет крестьян, представлялось мерой излишней. Вместо этого предлагалось сосредоточить усилия на распространении земледелия и увеличении производства

---

²⁵ Там же. Л. 290.

земледельческих продуктов. С их реализацией на внешнем и внутреннем рынках в состоянии справиться имевшееся российское купечество, даже с учетом присущих ему недостатков, «ибо коммерцию не число торгующих распространяет, но размножение земных произращений. Довольно 20-ти тысяч человек, чтоб торговать в год на 20 миллионов. Разделяя весь торг, не больше тысячи рублей обойдется на человека»²⁶. По их убеждению, ничем, впрочем, не подкрепленному, единственным источником пополнения российского купечества должно стать посадское население общей численностью 200 тыс. человек по последней ревизии, вполне способное выдвинуть из своей среды потребное количество торговых людей, отвечающих самым высоким требованиям. Вследствие чего удастся предотвратить сокращение крестьян-«делателей», по выражению авторов записки, т. е. основных производителей-земледельцев, в чем усматривалась одна из главных задач Комиссии о коммерции.

Другая спорная проблема, которую вычленили Муравьев и Клингштет после ознакомления с «мнением» Теплова, сводилась к оценке конкуренции между купечеством и крестьянством в сфере торговли. Если Теплов считал конкуренцию благом и необходимым стимулом, подстегивающим развитие коммерции, то его оппоненты не допускали и мысли о соперничестве такого рода. Они снова исходили из незаконности производимых крестьянами торговых операций, подрывавших купеческий «торг», которые вдобавок якобы не сопровождались последующим вкладыванием капитала в торговлю («крестьяня, обогатившиеся коммерцию, не принесли в торг своих капиталов»). А потому задавались чисто риторическим вопросом: «И так сходно ли с правосудием сей несправедно отнятой у купцов нажиток почитать доказательством, что и впредь надлежит крестьянам дозволить продолжить их незаконныя злоупотребления?»²⁷.

Третья проблема, по мнению Муравьева и Клингштета, сводилась не к постоянному закреплению за крестьянами их нынешнего социального статуса, а к созданию правового механизма, позволяющего им подниматься на более высокие социальные ступени, в частности, записываться в купечество. При этом во внимание принимался опыт «многих европейских областей», в которых «дозволено крестьянам и всякому вольно и в честном звании рожденному человеку вступать в купеческой корпус, но он прежде должен показать аттестат о своем учении и о капитале, сколько приносит в торг»²⁸. По существу, речь шла о принципах, позднее положенных в основу гильдейской реформы 1775 г. Однако оставалась одна существенная неясность, касавшаяся владельческих

²⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 68. Л. 299.

²⁷ Там же. Л. 300.

²⁸ Там же. Л. 301 об.

крестьян. Ее, разумеется, не могли обойти стороной оппоненты Теплова, но они ограничились лишь постановкой вопроса: «Для упреждения излишнего умножения числа купцов сверх надлежащей пропорции и дабы не дозволено было крестьянину своевольно отставать от своего помещика и записываться в посад, надобно сделать добрые учреждения, тем паче, что кажется и нынешних купцов довольно для произвождения внутреннего государственного торгу вместо того что число земледельцов и работников, которых работа действительно распространяет коммерцию, никогда не может быть довольно размножено»²⁹.

Наконец, в заключительной части записки Муравьева и Клингштета сгруппированы частные возражения. Среди них обращает внимание предусмотренная ответственность помещиков за незаконную торговлю собственных крестьян. Она примечательна во многом из-за употребления весьма выразительной лексики: «Что некоторые помещики получают больше прибыли от торгующих крестьян, нежели от земледельцов, сие не удивительно, ибо крестьяня имеют в торге преимущество против купечества, а особливо, когда помещик вместо трудолюбивых земледельцов имеет пронырливых торгашей»³⁰. Причем авторы признавали наличие проблемы крестьянского малоземелья, но не спешили считаться с ней и делать какие-либо послабления («хотя б была и правда, что поместья их малоземельны и пропитать крестьян не могут, ибо человек бедной еще не в праве незаконным образом искать себе пропитания»).

В обобщенном виде собственное видение проблемы Муравьев и Клингштет изложили в упоминавшемся «Мнении о крестьянском торге», в котором сформулированы несколько принципиальных положений, оказавшихся несколько шире рамок обсуждаемой темы.

Прежде всего они обратили внимание на необходимость расширения сферы производства сельскохозяйственных продуктов, но никак не обмена. Данное положение они облекли в довольно емкую формулу: «Надлежит стараться, чтобы было сколько возможно больше делателей, а сколько возможно меньше торгашей»³¹. При этом призывали с осторожностью использовать механизм ценообразования, который далеко не всегда может рассматриваться в качестве универсального регулятора. В их понимании установление высоких цен, в первую очередь во внешней торговле, лишь тогда оправданно и полезно, когда оно продиктовано повышенным спросом со стороны иностранных купцов на определенные виды продуктов, предлагавшихся рынку в изобилии. Напротив, искусственное завышение цен, вследствие

²⁹ Там же. Л. 303 об.–304.

³⁰ Там же. Л. 302–302 об.

³¹ Там же. Л. 306 об.

ограниченного предложения на рынке, рассматривалось, безусловно, вредным. Иными словами, узко монетаристский подход уступал пониманию необходимости преимущественного развития сферы производства.

Отсюда и стремление ограничить расширение торгового сословия: «Ежели дать крестьянам беспредельную свободу вступать в мещанские и купеческие промыслы, сие неприметно весьма убавит число земледельцов»³². В то же время смешение разных «чинов» казалось совершенно недопустимым, ибо невозможно совмещать торговые промыслы с крестьянским трудом, а «не пахатной крестьянин кажется нам такой же член общества, каковы суть безграмотной священник, не служащей и не служившей дворянин и не торгующий купец»³³.

В итоге Муравьев и Клингштет выступили за тщательное сословное разграничение прав и обязанностей, исключавшее переплетение и совмещение функций. При этом они предлагали предоставить право беспрепятственного перехода в мещанство тем крестьянам, которые избрали торговый промысел единственным занятием и порвали с земледелием. Однако конкретных мер в отношении владельческих крестьян они так и не предусмотрели.

Рассуждения Муравьева и Клингштета совершенно не убедили Теплова. Последний заявил в поданной 6 июня короткой записке о приверженности прежней собственной позиции, назвав возражение оппонентов «основанным на принципах весьма сумнительных, из которых и следствия выведенные вид один возражения справедливого имеют»³⁴, не пожелав повторно возвращаться к существу спора.

Мнение Теплова в целом поддержал гр. Э. Миних. Он не стал углублять ся во все детали дискуссии. Для него решающим аргументом продолжал оставаться капитал, привносимый в коммерцию крестьянами. Именно благодаря их финансовым вливаниям, полагал Миних, российская коммерция сумела удвоить свои обороты, начиная с Петра I. И был готов закрывать глаза на все связанные с данным обстоятельством издержки. Вместе с тем он считал целесообразным и даже необходимым учесть, как интересы купцов и мещан, с одной стороны, так и крестьян, с другой, обозначив «неподвижные границы каждому званию так, чтоб одни не несли тягостей к единственной прибыли других». С этой целью Миних предлагал «учредить пределы, в которых они должны пребывать, и назначить пункты ко исполнению всем тем крестьянам, которые захотят вмешаться в торг»³⁵.

---

³² РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 68. Л. 307.

³³ Там же. Л. 307 об.

³⁴ Там же. Л. 314.

³⁵ Там же. Л. 313.

Итак, в ходе непродолжительной дискуссии выявились различия в подходах к рассмотренной проблеме, но так и не удалось найти единого способа ее решения. Часть членов Комиссии о коммерции высказалась за ужесточение мер в отношении торговли крестьян вплоть до ее полного запрета (Я. Шаховской, Н. Муравьев, Т. Клингштет). Свою точку зрения они пытались подкрепить ссылками на российское законодательство, начиная с Соборного уложения, но не всегда привлекали его в полном объеме и производили отбор целиком беспристрастно (в равной мере сказанное относится и к выразителю иной точки зрения Г. Теплову, стремившемуся подчеркнуть запретительный характер принимавшихся в прошлом указов). Неоднократно предпринимавшиеся правительством попытки вывести крестьянскую торговлю из тени, максимально включив ее в сферу податного учета, вольно или невольно замалчивались. При этом одна из сторон в своем стремлении накрепко привязать частновладельческих крестьян к земле и полностью лишить хозяйственной свободы, вернув в обращение соответствующие статьи Соборного уложения, старалась подчеркнуть полную незаконность любых попыток официального признания крестьянского торгога.

Выразители другой точки зрения, в первую очередь Г. Теплов, и во многом согласный с ним Э. Миних, напротив, доказывали безуспешность любых действовавших в прошлом запретов. Они противились связывать крестьянам руки при выборе занятий и закрывать доступ к неземледельческим промыслам. Во многом ими двигало желание узаконить уже фактически сложившийся порядок в областях, где укоренилась оброчная система на фоне хронического крестьянского малоземелья. В то же время нельзя недооценивать и другие побудительные мотивы. С деятельными крестьянами, поднаторевшими в торговых (и не только) операциях, связывались надежды на оживление российской коммерции. Во многом по причине неизбежного усиления конкуренции и пробуждения частной инициативы. В гораздо меньшей степени подобные надежды возлагались на купечество, достойное самых нелестных эпитетов за необразованность и множество возложенных на него человеческих пороков. Отсюда проистекало и нежелание жесткой фиксации сословных перегородок.

Литература

Ковальчук А. В. Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в.: Идеи и практика. М.; СПб., 2017.